

БИБЛЮГРАФІЯ.

Черноморскіе козаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту, съ картою. Соч. *И. Попки*; въ двухъ частяхъ. Санкт-петербуръ 1858.

Уральцы. Очерки быта Уральскихъ козаковъ. Соч. *И. Жельзнова*. М. 1858.

Объ этихъ двухъ сочиненіяхъ уже давно съ похвалою успѣли отозваться почти всѣ наши журналы, такъ что, пожалуй, нашъ отзывъ можетъ показаться несвоевременнымъ, запоздалымъ. А потому, не вдаваясь въ подробный разборъ этихъ двухъ произведеній, мы только взглянемъ на нихъ съ нашей точки зрѣнія.

Оба эти сочиненія представляютъ собою особенный интересъ, именно для военного нашего сословія. Это почти первыя попытки ознакомить читающую публику съ бытомъ козаковъ, этихъ вѣрныхъ стражей земли Русской. А кого же болѣе всего долженъ интересовать этотъ предметъ, какъ не военныхъ, соратниковъ и сослуживцевъ козачьяго сословія? А между тѣмъ много ли мы знаемъ о немъ? Такъ, кой-что, поверхностно. А между тѣмъ козачье наше сословіе растянулось почти по всей южной нашей границѣ—отъ Чернаго моря до Тихаго океана; къ нему принадлежитъ безъ малаго до двухъ съ половиною миліоновъ душъ обоего пола; оно занимаетъ болѣе 10,000 квад. миль; можетъ выставить на защиту отечества около полутора ста конныхъ

полковъ, до тридцати пѣшихъ баталіоновъ и почти столько же конныхъ батарей!

Многимъ ли изъ военныхъ, засыпающихъ спокойно во время войны, на бивуакѣ, охраняемомъ козаками, приходило въ голову, что охранители ихъ имѣютъ свою особенную, своеобразную жизнь, вовсе не сходную съ жизнію регулярныхъ войскъ? Многіе ли подумывали о томъ, что козакъ, стоящій гдѣ нибудь, вдали отъ своей родины, на аванпостахъ, оторванъ совершенно отъ своей семьи и хозяйства, а имѣетъ и то и другое; только въ отсутствіи его хозяйствомъ занимается жена, да теща, да старикъ отецъ?

Вѣроятно, немногимъ изъ военно-служащихъ приходили въ голову подобныя размышленія—и это вполне понятно: гражданскій и военный бытъ козаковъ почти совсѣмъ не былъ затронутъ нашей литературой. По крайней мѣрѣ, о немъ чрезвычайно мало было писано.

Но вотъ труды гг. Попки и Желѣзнова отчасти пополняютъ этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ. Быть можетъ, съ ихъ легкой руки, у насъ появятся очерки жизни и другихъ козаковъ, о которыхъ наше общество такъ мало еще знаетъ, и которые между тѣмъ заслуживаютъ полнаго къ нимъ участія. А ихъ остается еще не мало; чтобы, хотя отчасти, познакомить читателей съ ними, сдѣлаемъ самый краткій обзоръ существующихъ въ настоящее время козачьихъ обществъ.

Самое многочисленное по населенію Донское козачье общество (387,399 душъ мужескаго пола, собственно козачьяго словія). Оно же и самое древнее, такъ какъ начало его можно отнести почти къ самому паденію татарскаго владычества на юго-западѣ Россіи. Въ настоящее время оно выставляетъ всего 58 конныхъ полковъ и 14 батарей, но въ военное время число это значительно можетъ быть увеличено.

Затѣмъ второе мѣсто по числительности населенія занимаетъ Башкирско-Мещерякское (333,803 душъ мужескаго пола). Постоянныя волненія въ теченіе почти всего XVIII вѣка, возбуждаемыя необыкновенными злоупотребленіями и лихоимствомъ, поставили Башкирію на самую жалкую степень бѣдности и разоренія. Только уже въ концѣ прошлаго и въ настоящемъ вѣкѣ, заботливостью оренбургскихъ военныхъ губернаторовъ—барона Игельстрома и особенно графа Перовскаго, этотъ несчастный край сталъ мало по малу поправляться, но все-таки числитель-

ность выставляемыхъ имъ частей крайне незначительна; части эти употребляются въ Оренбургской степи и на Сыръ-Дарьинской линіи въ помощь Уральцамъ и Оренбургскимъ козакамъ. Уже давно было предположеніе объ обращеніи Башкирскаго войска въ число податныхъ сословій, и можно смѣло сказать, что это было бы одною изъ самыхъ благодѣтельныхъ мѣръ для края.

Кавказское линейное войско занимаетъ всю передовую линію противъ горцевъ, вдоль сѣверныхъ подножій Кавказскаго хребта, отъ границъ Черноморья до самаго Каспійскаго моря. Они образуютъ 10 бригадъ, или всего 21 конный полкъ (*), два пѣшіе баталіона и 4 батареи. Можно сказать, что линейные козакки, вмѣстѣ съ Черноморцами, составляютъ наиболѣе воинственные части козачьяго сословія; постоянная опасность и необходимость быть всегда готовыми къ отраженію непріятельскаго набѣга, дѣлаетъ ихъ почти такими же козаками, въ полномъ смыслѣ этого слова, какими были нѣкогда Донцы и Запорожцы, оберегавшіе южные предѣлы Россіи отъ Татаръ.

Оренбургское козачье войско состоитъ: изъ 10-ти конныхъ полковъ и трехъ батарей, изъ которыхъ часть постоянно выкомандировывается для службы на Оренбургской и Сыръ-Дарьинской линіяхъ, а также и въ степныя укрѣпленія, находящіяся въ степи Малой Киргизской Орды. Съ устроеніемъ Сыръ-Дарьинской линіи, Оренбургская потеряла прежнее свое значеніе, сдѣлалась уже какъ бы внутреннею линіею. Благосостояніе Оренбургскихъ козаковъ значительно усилилось съ тридцатыхъ годовъ, чему они главнѣйше обязаны графу Перовскому, весьма много содѣйствовавшему развитію между козаками земледѣлія, какъ главнаго промысла въ томъ краѣ.

Черноморскіе козаки образовались въ 1787 году, изъ оставшихся въ Россіи, послѣ уничтоженія Сѣчи Запорожцевъ; въ 1792 году они были надѣлены землею на Кубани съ обязанностію защищать предѣлы Россіи отъ Закубанскихъ горцевъ. Въ настоящее время, Черноморцы выставляютъ 12 конныхъ полковъ, 9 пѣшихъ баталіоновъ и 3 батареи.

(*) Полки слѣдующіе: 1-й и 2-й Кавказскіе (1 бригада), 1-й и 2-й Лабинскіе (2 бригада), 1-й и 2-й Урупскіе (3 бригада), 4-я бригада—1-й и 2-й Кубанскіе, 5-я—1-й и 2-й Ставропольскіе, 6-я—1-й и 2-й Хоперскіе, 7-я—1-й и 2-й Волжскіе, 8-я—Горскій и Владикавказскій, 9-я—Моздокскій, Гребенской и Кизлярскій; наконецъ 10-я бригада—1-й и 2-й Сунженскіе.

Затѣмъ, кромѣ перечисленныхъ нами козачьихъ обществъ, въ предѣлахъ Европейской Россіи находятся еще Уральское, Новороссійское (бывшее Дунайское), Астраханское и Азовское козачьи войска. Изъ нихъ наиболѣе многочисленно Уральское, къ которому принадлежитъ 32,862 чел. муж. пола. Начало его относится къ XVI вѣку, когда появились впервые переселенцы съ Дона на Яикъ (нынѣшній Уралъ). Наиболѣе оригинальная черта въ жизни Уральского войска та, что оно владѣетъ самой незначительной полосой земли, способной къ земледѣлію; главные же промыслы козаковъ составляютъ рыболовство и скотоводство. Уральцы всего выставляютъ 12 конныхъ полковъ, несущихъ службу наравнѣ съ Оренбургцами. Значеніе Уральской линіи въ настоящее время такъ же незначительно, какъ и Оренбургской.

Новороссійское, Азовское и Астраханское козачьи войска очень немногочисленны; къ нимъ всего принадлежитъ—19,040 чел. муж. пола. Служба ихъ вполнѣ внутренняя, только одни Азовскіе казаки участвуютъ въ постоянныхъ крейсерствахъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Новороссійскіе казаки выставляютъ два, а Астраханскіе три конные полка.

Въ Сибири, вдоль всей нашей южной границы, растянуты козачьи поселенія, которыя можно раздѣлить на 4 группы: 1.) Собственно Сибирскихъ козаковъ въ Западной Сибири; они образуютъ 10 конныхъ полковъ и 3 батареи и назначаются для охраненія спокойствія на Сибирской линіи и въ степи. 2). Городовыхъ козаковъ, состоящихъ изъ Тобольскаго пѣшаго баталіона и трехъ конныхъ полковъ: Тобольскаго, Иркутскаго и Еписейскаго. Всѣ эти части назначаются преимущественно для полицейской и этапной службы по городамъ и трактамъ Сибири. 3) Забайкальское козачье войско, образованное въ 1851 году изъ пограничныхъ къ Китайскимъ владѣніямъ туземцевъ, а частію изъ городовыхъ козаковъ; оно выставляетъ 12 пѣшихъ баталіоновъ, четыре русскихъ и два бурятскихъ конныхъ полка. Наконецъ, 4) съ приобрѣтеніемъ въ 1858 году При-амурскаго края, для охраненія его по теченію р. Амура и Уссури, положено начало Амурскому козачьему войску, которое въ настоящее время состоитъ уже изъ двухъ конныхъ полковъ и двухъ пѣшихъ баталіоновъ.

Вотъ всѣ козачьи войска, какія существуютъ въ настоящее время въ Россіи. Уже самое распредѣленіе ихъ по различнымъ

частямъ нашей обширной южной границы показываетъ, что и степень безопасности ихъ поселеній, а слѣдовательно и степень внутренняго ихъ благосостоянія, не можетъ быть одинакова. Каждое изъ этихъ козачьихъ сословій имѣетъ совершенно особенную, свою типичную фizioномію вслѣдствіе различныхъ мѣстныхъ, географическихъ и историческихъ условій; новороссійскій козакъ совершенно не похожъ уже на азовскаго, хотя ихъ раздѣляетъ разстояніе весьма незначительное, какихъ нибудь нѣскольکو сотъ верстъ; чтожъ если бы его сравнить съ при-амурскимъ козакомъ, вносящимъ зачатки русской жизни въ край, совершенно еще новый, почти еще неизвѣстный? Изслѣдованіе образа жизни всѣхъ этихъ козачьихъ обществъ, степени ихъ благосостоянія, наконецъ изученіе всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть вліяніе на ихъ гражданскій и военный бытъ, вотъ обширное поприще для будущихъ трудовъ добросовѣстныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей.

Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Владиміра Алексѣевича Корнилова, собранные и объясненные капитанъ-лейтенантомъ А. Жандромъ, бывшимъ его флагъ-офицеромъ.

Съ особымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ явившееся въ свѣтъ сочиненіе г. Жандра: «Собраніе матеріаловъ для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Владиміра Алексѣевича Корнилова».

Всякій, занимавшійся разработкою историческихъ матеріаловъ, пойметъ важность и значеніе для исторіи такого труда, какъ сочиненіе г. Жандра.

Цѣль своего сочиненія авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Говорить о Владимірѣ Алексѣевичѣ Корниловѣ, какъ о человѣкѣ вообще, и опредѣлить его историческое значеніе предстоитъ будущему историку, но приготовить для этого матеріалы дѣятельности его, какъ военно-историческаго офицера, необходимо теперь, потому что теперь уже нѣльзя достать нѣкоторыхъ приказовъ его по эскадрамъ, и еслибы даже большая часть флагманскихъ распоряженій Корнилова попалась когда либо въ руки историку, незнакому со всѣми, немногимъ извѣстными подробностями обстоятельствъ, вынудившихъ эти распоряженія, то ему невозможно было бы опредѣлить истинное ихъ значеніе». На этомъ основаніи авторъ собираетъ замѣчательнѣйшіе прика-

зы, инструкции и распоряженія Владимира Алексѣевича Корнилова, и добавляя многими собственными замѣтками, сообщаетъ имъ историческое значеніе, котораго они безъ того бы не имѣли.

Далѣ авторъ говоритъ: «Доблесть воиновъ, павшихъ и подвизавшихся за Севастополь, не нуждается въ громкихъ возгласахъ и не боится суда исторіи: славная защита его совершилась не по реляціямъ, а на глазахъ изумленной Европы. Тутъ, мнѣ кажется, не нужны украшенія; напротивъ, чтобы дать возможность оцѣнить подвигъ во всемъ его величіи, необходимо изобразить вполнѣ, безъ малѣйшей утайки, всѣ событія, предшествовавшія осадѣ и самому бомбардированію; будущему же историку, конечно, нужны документы, а не общія мѣста о непоколебимомъ мужествѣ защитниковъ Севастополя. На этомъ основаніи часто, вмѣсто разказа, я помѣщаю докладныя записки, приказы, инструкции и диспозиціи, объясняя по возможности правдиво причины разныхъ распоряженій; въ тѣхъ же случаяхъ, когда приведеніе этихъ бумагъ вполнѣ растянуло бы изложеніе, я замѣнялъ ихъ разказомъ, указывая документы, подтверждающіе мои слова и помѣщая любопытнѣйшія изъ нихъ въ приложеніяхъ».

Изъ приведенныхъ здѣсь собственныхъ словъ автора, читатель лучше всего, безъ всякихъ объясненій и коментарій, пойметъ цѣль, содержаніе и форму изложенія помянутой книги.

Многіе, конечно, имѣли такіе матеріалы, какъ г. Жандръ, предпочли бы представить ихъ на судъ публики въ другой формѣ, напримѣръ, въ видѣ мемуара, или историческаго очерка первой эпохи обороны Севастополя. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, авторъ неминуемо пашелся бы вынужденнымъ умолчать о многомъ, что находится въ его богатомъ собраніи официальныхъ документовъ.

При избранной авторомъ формѣ изложенія, можно было сохранить богатые источники, которые онъ имѣлъ подъ рукою, и цѣликомъ завѣщать ихъ исторіи. Г. Жандръ расположилъ имѣвшіеся у него подъ рукою матеріалы въ хронологическомъ порядкѣ, и дополнивъ все необходимыми поясненіями, придалъ своему труду повѣствовательную форму. Матеріалы, собранныя авторомъ, обнимаютъ всю официальную дѣятельность Корнилова. Эта дѣятельность, въ послѣдній годъ жизни Владимира Алексѣевича, касается нѣкоторыхъ важныхъ событій минувшей войны, преимущественно перваго періода осады Севастополя. Поэтому, книга г. Жандра столь же драгоценна для біографіи Кор-

нилова, какъ и для исторіи обороны Севастополя, и на столько же заслуживаетъ вниманіе военныхъ историковъ, какъ и морскихъ бытописателей.

Авторъ раздѣляетъ свою книгу на три большихъ отдѣла:

Первый содержитъ въ себѣ время отъ командованія Корниловымъ кораблемъ «Двѣнадцать апостоловъ» до Синопскаго сраженія включительно.

Второй обнимаетъ дѣятельность Корнилова отъ Синопскаго сраженія до высадки союзниковъ въ Крымъ, то есть, всѣ распоряженія по оборонѣ Севастополя.

Третій отдѣлъ составляетъ дѣятельность Корнилова въ первый періодъ осады Севастополя. Главнымъ матеріаломъ этой главы служитъ журналъ перваго мѣсяца осады, который былъ приготовленъ для представленія Государю Императору. Авторъ позволилъ себѣ дополнить его нѣкоторыми подробностями, характеризующими личность Корнилова, и потому, по его приказанію, выпущенными въ журналѣ.

Къ этимъ тремъ отдѣламъ надлежитъ присоединить *четвертый*, состоящій уже исключительно изъ однихъ официальныхъ документовъ, приказовъ и т. п., присоединенныхъ въ концѣ книги, въ видѣ приложенія.

Изъ содержанія книги читатель можетъ увидѣть, что она имѣетъ значеніе въ трехъ отношеніяхъ:

- 1) Какъ матеріалы для исторіи Черноморскаго флота въ эпоху Восточной войны и ранѣе.
- 2) Для біографіи адмирала Владиміра Алексѣевича Корнилова.
- 3) Для исторіи обороны Севастополя.

Нѣкоторыя части этой книги посвящены исключительно спеціальной морской дѣятельности Корнилова и потому доступны только для моряковъ. Такія мѣста встрѣчаются въ первомъ и во второмъ отдѣлахъ, но третій отдѣлъ весь, цѣликомъ, составляетъ достояніе историка минувшей войны, и достояніе, весьма драгоценное.

До сихъ поръ еще событія, въ промежуткѣ времени между Альмскимъ сраженіемъ и первыми дѣйствіями союзниковъ противъ Севастополя, въ подробности неизвѣстны. Полное значеніе участія Корнилова въ этихъ событіяхъ и по нынѣ еще не определено. Не говоря уже объ иностранныхъ сочиненіяхъ, болѣею

частію весьма недостаточныхъ или полныхъ невѣрностей,—все, что печаталось объ этомъ у насъ, въ высшей степени не удовлетворительно, какъ-то запутано.

Книга г. Жандра окончательно разъясняетъ всѣ недоразумѣнія въ этомъ дѣдѣ, и представляетъ намъ множество интересныхъ подробностей, о которыхъ мы доселѣ имѣли только весьма неясныя понятія.

Мы узнаемъ, напимѣръ, что послѣ Альмскаго сраженія Корниловъ твердо настаивалъ на томъ, чтобы черноморскій флотъ вышелъ въ море и атаковалъ непріятеля. Только по настоятельному требованію князя Меншикова соглашается онъ на затопленіе кораблей у входа въ рейдъ. Совѣщанія по этому предмету сопровождались весьма рѣзкою выходкою со стороны Владимира Алексѣевича, оригинально обрисовывающею эту характерную личность. Когда въ собранномъ Корниловымъ совѣтѣ флагмановъ и капитановъ, мнѣніе Корнилова о выходѣ флота въ море не было одобрено большинствомъ, онъ прекратилъ разсужденія словами: «готовьтесь къ выходу, будетъ данъ сигналъ что кому дѣлать».

Какъ доказательство интереса, который заключаютъ въ себѣ подробности книги г. Жандра, приведемъ собственный разсказъ автора.

«Распустивъ совѣтъ, Корниловъ явился къ князю Меншикову и объявилъ свое намѣреніе выйти въ море. Князь рѣшительно воспротивился и повторилъ отданное имъ Владимиру Алексѣевичу на переходѣ отъ Альмы къ Качи приказаніе: затопить фарватеръ; но Корниловъ возразилъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. Разсерженный его настойчивымъ противорѣчіемъ, князь Меншиковъ сказалъ: «Ну такъ поѣзжайте въ Николаевъ, къ своему мѣсту службы» и приказалъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы ему отдать приказанія. «Остановитесь! вскричалъ Корниловъ,—это самоубійство... то къ чему вы меня принуждаете; но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный врагами—невозможно! я готовъ повиноваться вамъ». Такъ описываетъ г. Жандръ, ссылаясь на авторитетъ князя Меншикова, этотъ характеристическій эпизодъ изъ жизни Корнилова. Вотъ интересный фактъ для историка и біографа.

Г. Жандръ упоминаетъ намъ еще одномъ весьма замѣчательномъ фактѣ, о которомъ, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ не было напечатано. Когда союзники перешли на южную

сторону Севастополя, Нахимовъ и генералъ Моллеръ, на которыхъ возложена была оборона южной стороны, забывая свое старшинство, просили Корнилова принять на себя общія распоряженія по оборонѣ города. Вотъ какимъ образомъ Корниловъ является главнымъ распорядителемъ обороны Севастополя, обстоятельство, донинѣ оставшееся для многихъ весьма темнымъ.

Фактическія подробности разбираемой нами книги разсѣять нѣкоторыя ложныя убѣжденія, вкравшіяся у насъ относительно осады Севастополя. Такъ, напримѣръ, не только нашими, но и иностранными писателями было неоднократно повторяемо, что во время высадки союзниковъ оборонительная линія Севастополя состояла только изъ неоконченной, большею частію только проектированной каменной стѣнки, усиленной оборонительными казармами за 5, 6 и 7 бастіонами. Г. Жандръ фактически доказываетъ, что это несправедливо. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «Бастіоны №№ 7, 6 и 4 и оборонительная казарма 5-го бастіона, редуть между 5 и 4 бастіонами, бастіонъ № 3-го и редуть на мѣстѣ бастіона № 2-го, гораздо прежде высадки производили пальбу ядрами въ цѣль, что положительно доказываетъ существованіе бастіоновъ на дѣлѣ, а не въ проэктѣ только. Усиленные въ сентябрѣ и вооруженныя орудіями большого калибра, эти временныя укрѣпленія сдѣлались опорными точками оборонительной линіи, о которую сокрушились всѣ усилія современнаго европейскаго искусства въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ; и справедливость требуетъ сказать, что безъ нихъ никакое искусство, и никакой энтузіазмъ защитниковъ Севастополя не въ состояніи былъ бы воздвигнуть въ нѣсколько дней тѣ славныя укрѣпленія, которыя въ славный для Россіи день 5-го октября однимъ ударомъ ниспровергли самоувѣренность союзниковъ и заставили ихъ откинуть мечты о легкомъ завоеваніи, начать съ нами борьбу серьезную, кровавую, безпримѣрную въ военныхъ лѣтописяхъ, по громадности средствъ и усилій, употребленныхъ на взятіе небольшого, временно укрѣпленнаго города.»

Трудно не убѣдиться въ этихъ доводахъ г. Жандра и не сознаться, что никто не въ состояніи былъ бы, безъ предварительныхъ мѣръ, привести Севастополь въ такое положеніе, что его нельзя было узнать, какъ говорятъ очевидцы.

Въ книгѣ г. Жандра можно найти нѣсколько подробностей объ адмиралѣ П. С. Нахимовѣ. Особенной благодарности заслужи-

ваетъ авторъ за разъясненіе одного обстоятельства, именно отношеній между Нахимовымъ и Корниловымъ. Носились слухи (изъ числа тѣхъ, которымъ легко ввѣряется общественное мнѣніе), что оба адмирала были, какъ говорится, *въ контрахъ*. Г. Жандръ къ общему удовольствію опровергаетъ эти слухи. Неопровержимо доказываетъ онъ, что оба героя — взаимно цѣнили и уважали другъ друга, и въ отношеніяхъ ихъ далеко не было той зависти и недоброжелательства, о которыхъ носились слухи, еще и нынѣ не вполне разсѣявшіеся. Вотъ, что говорится объ этомъ въ книгѣ г. Жандра: «Служа вмѣстѣ на кораблѣ «Азовъ» подъ командою Михаила Петровича Лазарева, эти два человека (Нахимовъ и Корниловъ) сохранили пріязненные отношенія и въ высшихъ чинахъ. Въ Севастополѣ Корниловъ всегда останавливался у Нахимова, который не разъ говаривалъ, что желалъ бы назначенія Владимира Алексѣевича главнымъ командиромъ. Безкорыстно преданный службѣ, Павелъ Степановичъ забывалъ свое старшинство и видѣлъ въ этомъ назначеніи преуспѣяніе Черноморскаго флота; онъ зналъ, что его дѣло водить флоты въ море, и что ему не по силамъ административныя и письменныя заятія, неразлучныя съ званіемъ главнаго командира. Высоко цѣня дарованія и дѣятельность Корнилова, Павелъ Степановичъ старался всѣми силами содѣйствовать ему въ общемъ дѣлѣ совершенствованія Черноморскаго флота и содѣйствіе такого отличнаго моряка, конечно, было полезно во многихъ техническихъ вопросахъ.» Опасность, которой подвергался Севастополь, не только не разъединила, но еще болѣе сблизила знаменитыхъ адмираловъ. Два героя великой Севастопольской драмы были слишкомъ заняты исполненіемъ своего долга, слишкомъ проникнуты великостью событій того времени, чтобы имѣть досугъ для мелочнаго недоброжелательства или порывовъ зависти, которыя имъ приписывали.

Скажемъ въ заключеніе: авторъ предметомъ своего сочиненія избралъ административную дѣятельность Корнилова и въ продолженіе всего повѣствованія почти не отходитъ отъ этого лица, сообщая рядъ интересныхъ официальныхъ документовъ, въ нему или отъ него исходящихъ. Такимъ образомъ, по своей формѣ, книга представляетъ какъ бы біографію Владимира Алексѣевича Корнилова, въ періодъ его официальной дѣятельности. Но дѣятельность Корнилова обнимаетъ едва ли не всѣ событія на Черномъ морѣ въ минувшую войну и первый мѣсяць осады

Севастополя. Слѣдовательно, авторъ былъ въ правѣ дать своей книгѣ названіе: «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя».

Отдавая полную справедливость добросовѣстному и прекрасному труду г. Жандра, мы вполне увѣрены, что книга эта будетъ оцѣнена читающею публикою и съ особымъ удовольствіемъ будетъ прочитана тѣми, кто имѣлъ счастье быть участникомъ въ славной защитѣ Севастополя. Матеріалы, заключающіеся въ книгѣ г. Жандра, принесутъ большую пользу исторіи.

Geschichte der Handfeuerwaffen, von I. Schön. 1858. Dresden.

Видно, что авторъ этого сочиненія имѣлъ очень много источниковъ, но не могъ управиться съ ними и только собралъ ихъ, такъ что трудъ его представляетъ какъ бы только вступленіе къ полному изображенію постепеннаго усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, съ его изобрѣтенія до новѣйшихъ временъ. Самый языкъ этого сочиненія крайне неправиленъ, но за то къ нему приложено 32 чертежа разнаго оружія, очень хорошо выгравированные на камнѣ.

Der Ruf nach einer verbesserten Truppenausbildung 1859. Darmstadt.

Въ послѣднее время, въ Германіи сильно начали возставать противъ прежней неправильной системы обученія войскъ, вслѣдствіе которой войска приучались только къ самой вредной формалистикѣ и педантизму въ мелочахъ и обучались не тому, что ихъ ожидало въ случаѣ войны, а лишь тому, что требовалось на парадахъ. Авторъ названной нами брошюры тоже сильно возстаетъ противъ этой системы, и вотъ что говоритъ о ней нѣмецкая газета «*Allgemeine Militair Zeitung*»: «Брошюра эта есть вѣрное зеркало, показывающее въ простой и необезображенной формѣ тѣ болѣзненные наросты, которые много уже вызывали тяжелыхъ вздоховъ у всякаго военнаго, съ непритушенными еще чувствами. Конечно, многіе читатели могутъ сказать, что все сказанное въ брошюрѣ уже давно имъ извѣстно; но вспомнимъ, что этотъ же самый упрекъ дѣлали неоднократно и Катону, когда онъ каждую свою рѣчь непременно оканчивалъ словами: *Ceterum censeo Carthaginem esse delendam* (*). Точно также

(*) Наконецъ, думаю, что надо разрушить Картагенъ.

и мы готовы повторять каждому, кто только желаетъ добра своей арміи и отечеству, пусть онъ прочтетъ эту брошюру и не одинъ, а два, три, десять разъ».

Panoplie européenne; 100 planches offrant 400 figures des principaux modèles de toutes les armes offensives et défensives en usage chez les divers peuples depuis la fondation de Rome, jusqu'à la mémorable époque de 1793; par J. M. Micol. Bruxelles.

Великолѣпное изданіе, чисто и хорошо раскрашенное. Къ рисункамъ приложены примѣчанія, заключающія въ себѣ описанія каждого оружія и историческія о немъ замѣтки.

La guerre étudiée d'après le caractère national et les ressources matérielles des peuples en présence, par le colonel Laure. Paris 1858.

Очень замѣчательное сочиненіе, основанное на практическихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ авторомъ въ Алжирской войнѣ. Съ 1830 — 1836 годъ занесены были на африканскую почву французскія войска со всѣми началами военной системы, принятой на европейскомъ континентѣ; но съ 1836 года Французы начали примѣняться къ занятой ими странѣ и къ обычаямъ туземцевъ, что, конечно, должно было оказать вліяніе на стратегію, тактику, употребленіе разныхъ родовъ оружія, обращеніе съ солдатами и проч. Это—то именно вліяніе взялся изобразить авторъ поименованной нами книги, и надо отдать ему справедливость, что задача эта выполнена имъ вполне успѣшно и добросовѣстно.

При этомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что ничего подобнаго мы не находимъ въ нашей военной литературѣ, а между тѣмъ предметовъ для подобнаго рода изслѣдованій у насъ не мало. На Кавказѣ, вслѣдствіе различныхъ мѣстныхъ условій, горная война имѣетъ совершенно свой особый, отличительный характеръ; даже въ различныхъ частяхъ Кавказскаго края, война эта имѣетъ свои особенности; такъ дѣйствія въ Дагестанѣ совершенно отличны отъ дѣйствій въ Чечнѣ и противъ Закубанскихъ горцевъ. Сверхъ того, въ центральной Азій, русскія войска часто приходятъ въ соприкосновеніе съ толпами Коканцевъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ; здѣсь образъ дѣйствій опять совершенно отличный отъ принятаго на европейскомъ материкѣ. Самая мѣстность, особаго рода постройка укрѣпленій средне-азіатцевъ, наконецъ младенческое состояніе ихъ военнаго искусства, заставляютъ употреблять противъ нихъ образъ дѣйствій, совершенно

различный отъ того, какой принять для дѣйствій противъ регулярныхъ войскъ. Исслѣдованія подобнаго рода у насъ были бы чрезвычайно интересны и даже въ нѣкоторой степени полезны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Ueber die Verwendung der Infanterie bei Verteidigung der Festungen von M. v. Prittwitz und Gafron, K. Preuss. Gen. Lieut. und Ingenieur Inspecteur. Berlin.

Die Gymnastik und die Fechtkunst in der Armee. Berlin 1858.

Denkwürdigkeiten eines Livländer. Von F. Smitt. Leipzig 1858.